

Защита прав инвесторов при несостоятельности (банкротстве): конституционно-судебный аспект

Статья посвящена актуальным вопросам формирования правоприменительной практики высших судебных инстанций Российской Федерации по спорам о защите прав частных инвесторов. В современных условиях, по мере развития экономики страны, усложняется состав и структура хозяйственных, инвестиционных, финансовых отношений. Тревожной тенденцией последних лет выглядит рост числа банкротств хозяйствующих субъектов, сопровождающихся признанием недействительными сделок, совершенных с их участием. Зачастую независимые субъекты гражданского оборота вступают в хозяйственные отношения с иными лицами, которые впоследствии признаются несостоятельными (банкротами), не будучи способными ни предугадать, ни предотвратить негативные финансовые сценарии. Это приводит к снижению стабильности отдельных сегментов финансовых рынков и хозяйственных комплексов, требует повышенного внимания к проблеме единства судебного правоприменения по соответствующим категориям дел, указывает на необходимость ревизии соответствующих норм законодательства. Одновременно повышается значимость конституционного правосудия как инструмента высшего судебно-правового надзора в аспекте формирования достоверной и эффективной юридико-практической методологии.

Ключевые слова: Конституция, правоприменительная практика, законодательство, инвесторы, конституционное правосудие, финансовые рынки, сделки, недействительность.

Investors ' rights protection in case of insolvency (bankruptcy): constitutional and judicial aspects

Abstract. The article is devoted to topical issues of formation of law enforcement practice of the highest court instances in the Russian Federation on disputes of the private investors' rights protection. In modern conditions, as the country's economy develops, the composition and structure of economic, investment, and financial relations become more complex. An alarming trend in recent years is the increase in the number of bankruptcies of business entities, accompanied by the invalidation of transactions made with their participation. Often independent subjects of civil turnover enter into economic relations with other parties, who are subsequently recognized as insolvent (bankrupt), not being able to predict or prevent negative financial scenarios. This leads to a decrease in the stability of certain segments of financial markets and economic complexes, requires increased attention to the problem of unity of judicial enforcement in the relevant categories of cases, and indicates the need to revise the relevant legislation. At the same time, the importance of constitutional justice as an instrument of higher legal supervision in the aspect of forming a reliable and efficient legal and practical methodology is increasing.

Keywords: Constitution, law enforcement practice, legislation, investors, constitutional justice, financial markets, transactions, insolvency.

Защита прав инвесторов предстает самостоятельным институтом в системе правового регулирования всего многообразия отношений как непосредственно относящихся к сфере финансового рынка, так и к иным экономическим сегментам. Законодательство ряда стран содержит специальные правовые акты, закрепляющие механизмы гарантий прав и защиты интересов субъектов инвестиционной деятельности. В некоторых случаях такие механизмы распространяют свое действие лишь на рынок финансовых инструментов, в иных случаях — также и на область реальных инвестиций. Так в США действует ряд специальных законов. Securities Investor Protection Act of 1970 обеспечивает дополнительную защиту

интересов потребителей услуг брокеров, дилеров и членов национальных фондовых бирж [13]. Будучи компонентом «реформы Уолл-Стрит» Додда-Франка (Dodd-Frank Wall Street Reform), этот закон действует наряду с другими, в т.ч. Consumer Protection Act of 2009, Uniform Prudent Investor Act of 1994.

Законодательство о компаниях Великобритании (The Companies Regulations в различных редакциях, The Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act и др.) содержит ряд норм, относящихся к определению статуса инвестора и обеспечению его прав в предпринимательской деятельности [14, С. 7]. Менее строгой выглядит законодательная система европейских стран, в большинстве случаев не выделяющих права инвесторов как самостоятельный институт регулирования и защиты. Так торговое и гражданское законодательство ФРГ, традиционно опирающееся на ведущую роль кредитно-банковских институтов финансового рынка, содержит общие нормы о правах и гарантиях всех участников хозяйственной деятельности, в том числе, при осуществлении ими инвестиций. Некоторые особенности установлены Законом о финансовых компаниях [12].

В России уже на ранних этапах формирования рыночного законодательства был воспринят опыт специального регулирования инвестиций, в том числе были приняты соответствующие законы. Закон РСФСР «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», [6] установил общие гарантии для инвесторов и в настоящий момент действует в части, не противоречащей Федеральному закону «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [7], Специальный характер также имел Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [4], Можно заметить, что отечественное законодательство использует более узкий подход к регулированию инвестиционных отношений, основываясь на специальных нормативных актах о капитальных вложениях и об

инвестициях на рынке ценных бумаг, но не обеспечивая специально-правовой порядок защиты инвестиций в широком значении, включая финансовые инвестиции, прямо не относящиеся к ценным бумагам.

В период 2008-2010 гг., который характеризовался кризисными явлениями на финансовых рынках и в экономике в целом, стала все более проявляться негативная тенденция роста числа банкротств юридических лиц, вовлеченных в обширные группы хозяйственных связей. В это же время наблюдается существенный рост числа судебных дел о банкротствах, рассматриваемых специализированными составами арбитражных судов в особом порядке, установленном Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» [5] и нормами ст. 223-225 Арбитражного процессуального кодекса РФ. [3] Тем самым, регулирование процедур банкротства можно признать комплексным: процессуальный закон (кодекс) отсылочным методом определяет в качестве акта процедурного регулирования иной закон, имеющий более материально-правовую сущность (закон о банкротстве). Уже здесь усматривается определенного рода противоречие, порождающее затруднения в правоприменении.

Основными тенденциями применения законодательства о банкротстве, влияющими на интересы инвесторов, выступавших хозяйственным контрагентом организации-должника, на сегодня можно считать: а) массовое предъявление требований о признании недействительными сделок должника, совершенных до введения процедур банкротства с контрагентами-инвесторами; б) не столь массовое, но распространенное предъявление требований о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника широкого круга лиц, признаваемых контролирующими по отношению к должнику, в том числе лиц, ранее состоявших в инвестиционных отношениях с должником.

В числе основных проблем юридико-практического свойства назовем:

а). разнонаправленный и в ряде случаев противоречивый характер

правоприменительных тенденций, основанных на судебном толковании одних и тех же норм закона, б). недостаточно определенный, в т.ч. пробельно-противоречивый характер базовых норм закона, устанавливающих юридические основания ответственности, в). чрезвычайно расширительное толкование общих норм гражданского законодательства о пределах осуществления гражданских прав и недействительности сделок (в т.ч. норм ст. 10, 168, 170 и др. Гражданского кодекса РФ) как основания для установления вины или безвиновного привлечения к ответственности субъекта гражданских (экономических, инвестиционных) отношений; г) неоправданно расширительное, произвольное толкование и применение комплекса норм ст. 53.2. Гражданского кодекса РФ, ст. 4 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности», ст. 9 Федерального закона «О защите конкуренции» об институте аффилированности, что служит основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности или возложения иных гражданских обязанностей, прекращения гражданских прав (к примеру, на приобретенное у должника имущество), а также основание для привлечения к ответственности заинтересованных и (или) контролирующих должника лиц. Более подробно вопросы современного состояния судебной практики по делам о банкротстве с участием независимых хозяйственных субъектов, исследованы в отдельных научных публикациях [11].

Действующее законодательство содержит как общие, так и специальные нормы, устанавливающие юридические основания и порядок признания недействительными сделок, а также наступления иных негативных юридических последствий для инвестиционных контрагентов организации, признанной впоследствии банкротом. Общие нормы предусмотрены в Параграфе 2 «Недействительность сделок» Главы 9, а также в ст. 53.1, 64, 67.3, 399 Гражданского кодекса РФ. Специальные нормы о недействительности сделок организации-должника помещены в Главу III.1,

«Оспаривание сделок должника», а нормы об ответственности иных лиц — в ст. 19, Главу III.П «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Между тем, соответствующие нормы закона в ряде случаев толкуются и применяются арбитражными судами разноречиво, но с общей тенденцией приоритета интересов мажоритарных кредиторов должника перед интересами хозяйственных контрагентов и участников-инвесторов. Это способствует формированию негативных юридико-практических ориентиров, которые не корреспондируют принципам устойчивого экономического развития, поддержки малого и среднего бизнеса, создания в России мирового финансового центра и обеспечения продовольственной безопасности страны.

Важным элементом правовой системы Российской Федерации как развитого демократического государства является Конституционный Суд, реализующий функцию высшего юридического надзора за соответствием конституционно-правовым принципам как содержания законодательства, так и его значения, проявленного в процедурах правоприменения. Возрастающую роль конституционного контроля в современной судебной правовой системе отмечают такие признанные авторы как М.И. Клеандров, В.М. Лебедев, Т.Я. Хабриева [8, 9, 10]. Легальной основой служат нормы ст. 125 Конституции Российской Федерации [1], в соответствии с которыми Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле. На исполнение этой конституционной гарантии направлены нормы ст. 36, 74, 96, 97 и ряда других Федерального Конституционного Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2]. В том числе: поводом к рассмотрению дела в

Конституционном Суде Российской Федерации является обращение в форме запроса, ходатайства или жалобы, а основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон или, иной нормативный акт. Конституционный Суд принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов. Правом на обращение в Конституционный Суд с индивидуальной или коллективной жалобой обладают граждане, объединения граждан, иные указанные в законе лица, чьи права и свободы оказались нарушены законом, примененным в конкретном деле. Допустимость жалобы на нарушение законом конституционных прав и свобод возникает на основе двух обязательных обстоятельств: 1) если закон затрагивает конституционные права и свободы граждан; 2) если закон применен в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде не позднее одного года до подачи жалобы.

Конституционный Суд Российской Федерации многократно рассматривал жалобы, связанные с применением законодательства о банкротстве. Чаще всего предметом споров являлось признание недействительными сделок, совершенных контрагентами в ходе осуществления своей хозяйственной деятельности, в том числе инвестиционного, финансового характера, с теми юридическими лицами, которые впоследствии приобрели статус должника в деле о банкротстве. Затруднения в правоприменении связаны, с одной стороны, с объемным, неконкретным и противоречивым характером постоянно обновляющихся материально-правовых норм законодательства о банкротстве, а с другой стороны — с несовершенством процессуально-правовых норм. Так правила Арбитражного процессуального кодекса РФ устанавливают неоправданно сокращенные сроки обжалования судебных актов, выносимых в форме

определений, хотя по своей сути такие акты имеют характер решений, поскольку разрешают спор по существу. Не способствуют эффективному правосудию правила о рассмотрении обособленных споров (о недействительности сделок, о привлечении к ответственности и т. п.) в рамках единого «банкротного» дела, поскольку это ведет к перегрузке одного и того же дела материалами и вовлечение в него значительного числа участвующих лиц, часто при отсутствии взаимосвязи между такими материалами и лицами.

К числу дефектов правоприменения, служащих предметом конституционно-правового контроля, относятся: а) расширительное толкование арбитражными судами соответствующих норм законодательства (в том числе признаков аффилированного, заинтересованного, контролирующего лица); б) комплексное применение целого конгломерата норм Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» без конкретизации оснований недействительности сделки (как то: порок воли, порок формы, нарушение конкретной нормы правового акта); в) расширение рамок судебного усмотрения до придания решающего значения предположению о «недобросовестности» намерений сторон правоотношений (в том числе в случаях, когда стороны имели долговременные, устойчивые хозяйственные связи, осуществляли взаимные инвестиции, оказывали услуги друг другу на протяжении длительного периода до события банкротства). Тем самым арбитражные суды как бы «ставят в вину» сторонам осуществление гражданских и конституционных прав: на труд, на владение собственностью, на ведение экономической и иной не запрещенной, в том числе инвестиционной деятельности.

Одним из факторов сомнений в конституционности норм закона в том значении, в котором они применяются в конкретных делах, может служить неустойчивость и разнонаправленность практики их применения.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на недопустимость противоречивого применения одних и тех же норм в разных делах, рассмотренных судами, поскольку это ведет к общей неустойчивости судебно-правовой системы, нарушает принцип законности. В частности, в Постановлении от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева», Конституционный Суд Российской Федерации указал: «В тех случаях, когда неоднозначность и противоречивость в истолковании и применении правовых норм приводит к коллизии реализуемых на их основе конституционных прав, вопрос об устранении такого противоречия приобретает конституционный аспект и, следовательно, относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, который, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого нормативного акта, так и смысл, придаваемый ему сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов (часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), обеспечивает в этих случаях выявление конституционного смысла действующего права».

Следует отметить, что хотя более распространенной практикой является признание сделок должника недействительными на основании норм ст. 10, 166, 167, 168, 170 Гражданского кодекса РФ, ст. 61.2., 61.3. Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», но эти же самые нормы закона в ряде дел применены противоположным образом. Так определениями Арбитражного суда Уральского округа от 15.05.2018 № Ф09-10583/16 были отменены определение Арбитражного суда Пермского края от 18.10.2017 и постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2017, а также определение Арбитражного суда Пермского края

от 19.10.2017 и постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2017 по делу № А50-8750/2015. Суд округа в частности, отметил: «Таким образом, для признания сделки недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве подлежит доказыванию недобросовестность контрагента....Акт взаимозачета подписан двумя аффилированными организациями ... и внешним по отношению к ним кредитором.... В таких условиях внешнему кредитору не может быть поставлено в упрек то, что он, подписывая трехсторонний акт взаимозачета, не убедился в наличии между аффилированными между собой организациями реальных обязательств, на погашение которых должен быть направлен зачет... Со своей стороны организации, входящие в одну группу компаний, исходя из внутригрупповых отношений между собой с учетом общности их хозяйственных интересов, вправе распорядиться по своему усмотрению имуществом, юридически закрепленным за одной из аффилированных организаций... Наличие в момент заключения оспариваемой сделки в Картотеке арбитражных дел информации о ... решениях суда о взыскании с должника ... задолженности ... само по себе не подтверждает неплатежеспособность должника и осведомленность общества ... о таком обстоятельстве...»

Верховный Суд Российской Федерации оставил в силе вышеуказанные постановления. В частности, в Определении от 14.09.2018 № 309-ЭС18-13227 (1) было сказано: «Отказывая в удовлетворении требований, суд округа, руководствуясь положениями статей 10, 168 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», позицией, изложенной в пунктах 5, 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», исходил из отсутствия оснований для

признания спорной сделки недействительной ввиду неустановления судами первой и апелляционной инстанций таких обстоятельств как наличие заинтересованности общества к должнику, его недобросовестного поведения при заключении спорной сделки и неравноценности встречного предоставления по данной сделке со стороны последнего. Выводы судов соответствуют нормам права, оснований для переоценки этих выводов не имеется».

Примером может служить и постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.08.2020 по делу № А50-13214/2017, в котором суд указал на отсутствие безусловных убедительных доказательств осведомленности контрагента (банка) о неплатежеспособности своих клиентов (должников) и о его личной заинтересованности в совершении финансовых транзакций с должниками, ввиду чего подтвердил отсутствие оснований для признания комплекса сделок недействительными и для отказа во включении в реестр требований кредиторов (инвесторов по договорам долевого участия в строительстве).

Основанием для пристального внимания Конституционного Суда может стать также и чрезмерный формализм арбитражных судов при разрешении спора. В судебных актах по делам о банкротстве зачастую приводятся только самые общие определения закона, указывается, что действия сторон направлены на «причинение вреда», «злоупотребление правом», «не соответствуют принципам разумности» и т. п., без тщательного исследования конкретных обстоятельств отношений, в том числе рыночного уровня цен сделки, наличия неоспоренных задолженностей должника перед инвестором (контрагентом), фактов реального оказания услуг, выполнения работ, поставки товаров, отсутствие установленных законом критериальных признаков заинтересованности и аффилированности, отсутствие признаков банкротства на момент инвестиционных или обычных хозяйственных отношений с должником.

Между тем, в Постановлении от 14 июля 2003 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 4, пункта 1 статьи 164, пунктов 1 и 4 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 11 Таможенного кодекса Российской Федерации и статьи 10 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» в связи с запросами Арбитражного суда Липецкой области, жалобами ООО «Папирус», ОАО «Дальневосточное морское пароходство» и ООО «Коммерческая компания «Балис», Конституционный Суд Российской Федерации указал: «В случаях, когда суды при рассмотрении дела не исследуют по существу фактические обстоятельства, ограничиваясь только установлением формальных условий применения нормы, право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывается существенно ущемленным... Данная правовая позиция имеет общий характер и касается любых правоприменителей».

Также в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2006 г. № 267-О «По жалобе открытого акционерного общества «Востоксибэлектросетьстрой» на нарушение конституционных прав и свобод положениями частей третьей и четвертой статьи 88, пункта 1 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации и части 4 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» сказано: «в случаях, когда суды при рассмотрении дела не исследуют по существу его фактические обстоятельства, а ограничиваются только установлением формальных условий применения нормы, право на судебную защиту, закрепленное ст. 46 (ч. 1) Конституции РФ, оказывается существенно ущемленным».

В то же время, для установления наличия или отсутствия злоупотребления участниками гражданско-правовых отношений своими правами при совершении сделок необходимо исследование и оценка конкретных действий и поведения этих лиц с позиции возможных

негативных последствий для этих отношений, для прав и законных интересов иных граждан и юридических лиц. Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 Гражданского кодекса РФ», оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу пункта 5 статьи 10 Гражданского кодекса РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное. Основным признаком наличия злоупотребления правом является намерение причинить вред другому лицу. Кроме того, для признания факта злоупотребления правом при заключении сделки должно быть установлено наличие умысла у обоих участников сделки (их сознательное, целенаправленное поведение) на причинение вреда иным лицам. Злоупотребление правом должно носить явный и очевидный характер, при котором не остается сомнений в истинной цели совершения сделки. С целью квалификации спорной сделки в качестве недействительной, совершенной с намерением причинить вред другому лицу, суду необходимо установить обстоятельства, неопровержимо свидетельствующие о наличии факта злоупотребления правом со стороны контрагента, выразившегося в заключении упомянутых сделок (пункт 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Непосредственно применению законодательства о банкротстве посвящено Постановление Конституционного Суда Российской Федерации

от 19 декабря 2005 года № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева». В частности, Конституционный Суд отметил, что в силу различных, зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и служит публично-правовой целью института банкротства. В целом правовое регулирование отношений в области банкротства основывается, помимо прочего, на положениях статей 8, 17, 19, 34 и 35 Конституции Российской Федерации, а сам этот институт выступает рыночным механизмом оздоровления российской экономики. В то же время в постановлениях арбитражных судов по конкретным делам часто наблюдается дисбаланс интересов. Приоритет отдается интересам заведомо более сильных сторон таких как конкурсные управляющие должника и его ключевые кредиторы, фактически контролирующие процедуру банкротства, в ущерб интересам более слабой стороны отношений: контрагентам, инвесторам, в том числе имеющим доли процентов в уставном капитале или по отношению к балансовой стоимости имущества должника. В этом может быть усмотрено нарушение принципов баланс интересов разных социальных групп, закрепленных в ст. 17, 46 Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на необходимость учитывать позиции Европейского суда по правам человека, например, в Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке

(залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», а также в Постановлении от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области». Наряду с этим, при рассмотрении дел о банкротстве с участием независимых контрагентов (инвесторов) формируются такие правовые позиции, которые могут быть признаны вступающими в противоречие со Статьей 1 Протокола 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS N 009 (Париж, 20 марта 1952 г.), особенно если контрагент по сделке лишается имущества, приобретенного у должника, а инвестор лишается доли участия, пакета ценных бумаг или иной инвестиции, ранее произведенной при участии должника, без равноценной компенсации. Такая ситуация наблюдается когда сумма требований контрагента (инвестора), включаемых в реестр требований кредитора, меньше цены сделки, стоимости имущества, размера инвестиций, либо контрагенту вообще отказано во включении в реестр на основе субъективного усмотрения суда. Подтверждение такой позиции можно найти в практике Европейского суда по правам человека (в т.ч. Дела №№ 53716/17, 47166/09, 16812/17, 79757/12, 3356/15, 48812/09, 80982/17, 4031/16, 5582/12, 54490/10, 1153/14, 2680/14, 70288/13, 846/16, 1075/16, 8001/07, 26920/09, 26503/07 и др.)

Наконец, нужно отметить, что толкование закона является исключительной прерогативой Конституционного Суда Российской Федерации, в связи с чем практика расширительного правоприменения норм гражданского законодательства в делах о банкротстве также может быть признана выходящей за рамки полномочий, установленных для ординарного звена судебной системы, а стало быть — такое положение дел попадает в поле зрения субъекта конституционного надзора.

Подводя итог вышесказанному, заметим, что число затруднений в правоприменении объективно и прямо пропорционально объему соответствующих категорий судебных тяжб. Поскольку количество дел о банкротстве имеет устойчивый возрастающий тренд, то объяснимо формирование обширной юридической практики, в которой встречаются судебные акты, придающие соответствующим законоположениям такой смысл, который может вступить в противоречие с нормами Конституции Российской Федерации. Главным образом оказываются затронуты такие нормы Конституции Российской Федерации как: ст. 19 (пункты 1, 2), ст. 35 (пункты 1, 2, 3), ст. 37 (пункт 1), ст. 46 (пункт 1), ст. 55 (пункт 2, пункт 3). Если применение соответствующих норм Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» по смыслу, придаваемому им в системе действующего правового регулирования сложившейся правоприменительной практикой, допускает нарушение конституционных прав и гарантий инвесторов и хозяйственных партнеров тех юридических лиц, которые были признаны несостоятельными не по их вине, то в этом усматриваются веские основания для применения правонадзорных полномочий Конституционного Суда Российской Федерации. При этом сохраняют актуальность вопросы дальнейшей ревизии законодательства о банкротстве и соответствующих процессуальных норм, в том числе в аспекте дополнительных легальных механизмов защиты прав инвесторов, субъектов финансовых рынков в процедурах банкротства.

Библиографический список.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федер.

- конституционный закон Рос. Федерации от 21.07.1994 N 1-ФКЗ // Рос. Газета. 1994, 23 июля.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Рос. Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Рос. газета. 2002, 27 июля.
 4. О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг: Федер. закон Рос. Федерации от 05.03.1999 N 46-ФЗ // Рос. Газета. 1999, 11 марта.
 5. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон Рос. Федерации от 26.10.2002 N 127-ФЗ // Рос. Газета. 2002, 2 нояб.
 6. Об инвестиционной деятельности в РСФСР: Закон РСФСР от 26.06.1991 N 1488-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991, N 29, ст. 1005.
 7. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федер. закон Рос. Федерации от 25.02.1999 N 39-ФЗ // Рос. Газета, 1999. 4 марта.
 8. Клеандров М.И. Конституция Российской Федерации и структура отечественной судебной системы: какой бы хотелось ее видеть? // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 47-52.
 9. Клеандров М.И. Актуальные проблемы совершенствования механизма судебной власти в Российской Федерации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 1(1). С. 83-90.
 10. Правосудие в современном мире: моногр. /под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. –М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 704 с.
 11. Чикулаев Р.В. Черданцев В.П. Экономическое значение процедур банкротства в регионально-отраслевом аспекте // Экономика сельского хозяйства России. 2019 № 9. С. 32-38.
 12. Das Gesetz uber Kapitalanlagegesellschaften. URL: [www. gesetze-im-internet.de](http://www.gesetze-im-internet.de) (дата обращения: 10.08.2020).

13. Securities Investor Protection Act of 1970 // URL: <https://www.sec.gov/about/laws/sipa70.pdf> (дата обращения: 25.07.2020).

14. UK Company Law Topic Gateway Series No. 14. CIMA. London. 2006.

Информация об авторе

Чикулаев Роман Владимирович, кандидат юридических наук, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры организации аграрного производства, ФГБОУ ВО Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Information about the author:

Roman V. Chikulaev, Ph.D. of Economic Sciences, Ph.D. of Juridical Sciences, Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of Agricultural production organization of the Perm State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov, Associate Professor at the Department of Business Law, Civil and Arbitrage procedure of the Perm State National Research University.